

На правах рукописи

Евдокимов Алексей Петрович

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
КРЕСТЬЯНСТВА МОРДОВИИ
во второй половине 1920-х – 1930-е гг.**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Саранск 2021

Работа выполнена на кафедре отечественной и зарубежной истории и методики обучения федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»

Научный руководитель: доктор исторических наук доцент
Надькин Тимофей Дмитриевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Николашин Вадим Павлович,
заместитель директора Технопарка «Державинский»
по инновационной работе
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина» (г. Тамбов)

кандидат исторических наук
Козлов Федор Николаевич,
заместитель директора по основной деятельности
бюджетного учреждения Чувашской Республики
«Государственный исторический архив
Чувашской Республики» (г. Чебоксары)

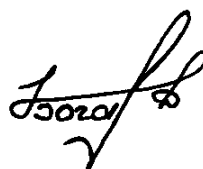
Ведущая организация: *Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет»
(г. Пенза)*

Защита состоится 21 января 2022 года в 13⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета 99.0.006.04, созданного на базе ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», МГПУ, НИИГН и УлГПУ им. И. Н. Ульянова по адресу: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевицкая, 68 (корп. № 1), зал заседаний диссертационных советов (ауд. 706).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени М. М. Бахтина ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» по адресу: Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевицкая, 68 и на сайте университета по адресу:
<https://mrsu.ru/ru/sci/defense/34985/>.

Автореферат разослан «___» ноября 2021 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук профессор

Э. Д. Богатырёв

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Два послеоктябрьских десятилетия в отечественной истории XX столетия характеризуются большой уплотнённой собою, быстрым переходом страны из одного социально-экономического состояния в другое, своеобразием контекста в мировой политике. Этот период вобрал в себя, с одной стороны, беспрецедентную по темпам и размаху реконструкцию тяжелой индустрии и процессы урбанизации; а с другой – широкомасштабные социально-экономические и социокультурные преобразования, сопровождавшиеся репрессиями, депортациями представителей различных социальных групп крестьянства, голодом и маргинализацией общества.

Необходимо отметить, что массовое сознание переходного общества представляет собой уникальный и во многом нестандартный объект изучения, поскольку является отражением противоречивой и многоуровневой социальной практики. Здесь отвержение отживших устоев и стремление построить новую жизнь причудливо переплетается с растущим разочарованием крестьянских масс в самих переменах. Крестьянство в рассматриваемый период фактически оказалось в состоянии социального раскола между, с одной стороны, сторонниками и активными проводниками политики коллективизации и, с другой стороны, ее противниками и, соответственно, жертвами.

Большой интерес в исследовании указанных процессов представляет крестьянство Мордовии. Полиэтническая структура населения республики включает в себя русских, мордву, татар и представителей многих других национальностей, между которыми на протяжении столетий происходило (и продолжается в настоящее время) интенсивное межэтническое взаимодействие.

Степень изученности проблемы. Процесс развития отечественной историографии сталинской модернизации аграрной сферы во второй половине 1920-х – 1930-е гг. можно разделить на два основных этапа: советский (с начала 1930-х и по 1991 гг.) и постсоветский (с 1991 г. и по настоящее время).

В СССР официальная трактовка социально-экономических и социокультурных преобразований в годы первых пятилеток долгое время основывалась на их оценке И. В. Сталиным¹. Исследователями доказывалась объективная необходимость перехода к сплошной коллективизации, поддержка курса на ограничение и ликвидацию кулачества, выпячивались отдельные достижения колхозно-совхозного строя, показывался рост советской культуры и образования на селе и т. д.²

¹ История ВКП(б): краткий курс. М., 1946; *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М., 1952; Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1940 гг. М., 1940 и др.

² *Глазerman Г. А.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949; *Абрамов Б. А.* Партия большевиков – организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. М., 1952 и др.

Смерть И. В. Сталина в марте 1953 г. и последовавшие за ней перемены в стране подтолкнули исследователей к более критическому отношению к источникам и отдельным фактам из довоенной истории советской деревни. Так, в ряде исследований было показано несоответствие производственной базы сельского хозяйства задачам сплошной коллективизации (В. П. Данилов³), критиковалось форсирование Сталиным ее темпов, равно как и перекладывание вины за «перегибы» и «извращения» на местное руководство (Н. А. Ивницкий⁴), анализировались трудности становления и развития колхозного производства в 1930-е гг. (Ю. С. Мошков и И. Е. Зеленин⁵). При этом основные причины падения экономических показателей коллективизированного села по сравнению с доколхозным виделись (Н. И. Немаков⁶), прежде всего, в нарушении «ленинской политики» в отношении трудового крестьянства.

За «субъективизм» и «негативный подход» указанные выше ученые-аграрники подверглись при Л. И. Брежневев резкой критике⁷ от представителей официальной науки и партийного руководства. Это существенно ограничило возможность дальнейшего приращения знаний на основе введения в научный оборот новых источников, которые могли бы еще больше поколебать реанимированную концепцию сталинской коллективизации.

Новый импульс развитию историографии сталинских преобразований первых пятилеток дала начавшаяся в стране политика «перестройки» и «гласности», приведшая к кардинальным изменениям в историографической ситуации, ставших особенно явными с начала 1990-х гг. На постсоветском пространстве возрождается разгромленное в 1930-е гг. такое научное направление, как «крестьяноведение». Российские исследователи получили возможность ознакомиться с теоретическими достижениями зарубежных исследований, посвященных крестьянскому социуму, путях и особенностях процесса его модернизации в различных странах и регионах, альтернативам в историческом процессе.

³ См.: *Данилов В. П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957 и др.;

⁴ См.: *Ивницкий Н. А.* О критическом анализе источников начального этапа сплошной коллективизации (осень 1929 – весна 1930 гг.) // Исторический архив. 1962. № 2. С. 191–202 и др.

⁵ См.: *Мошков Ю. С.* Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства (1929–1932 гг.). М., 1966; *Зеленин И. Е.* Колхозное строительство в СССР в 1931–1932 гг. (к итогам сплошной коллективизации сельского хозяйства) // История СССР. 1960. № 6. С. 19–40.

⁶ См.: *Немаков Н. И.* Коммунистическая партия – организатор массового колхозного движения (1929–1932 гг.). М., 1966.

⁷ См.: *Абрамов Б. А., Ваганов Ф. М., Куликов В. И.* Рец. на кн.: Немаков Н. И. Коммунистическая партия – организатор массового колхозного движения (1929–1932) // Вопросы истории КПСС. 1968. № 6. С. 111–119; *Голиков В., Мурашов С., Чхикшвили И., Шатагин Н., Шаумян С.* За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист. 1969. № 3. С. 67–82 и др.

Для отечественных ученых, несомненно, особый интерес представляли (и до сих пор представляют) обсуждения в рамках теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» трудов Т. Шанина о сущностных характеристиках крестьянства; М. Левина, проанализировавшего политику коллективизации с точки зрения объективных условий и потребностей советского общества; Ш. Мерля о недочетах и недостатках в проведении экономической политики в 1925–1928 гг., избежав которые, можно было продолжить политику нэпа без срыва в насильственную коллективизацию; Г. Хантера и Я. Ширмера о возможности развития сельского хозяйства в СССР без коллективизации⁸.

На постсоветском пространстве значительная часть исследователей деревни 1920 – 1930-х гг., не ставя под сомнение назревшую к концу 1920-х гг. необходимость модернизации мелкотоварного крестьянского хозяйства, считают реализованную модель в виде «сплошной коллективизации» начала 1930-х гг. наименее соответствующей интересам как крестьянства, так и в целом советского общества той эпохи, а сплошная коллективизация в итоге привела к дезорганизации и упадку аграрного производства, раскрестьяниванию и гибели основных производителей сельскохозяйственной продукции из-за массовых репрессий, депортаций и голода, при этом кризисные явления не были преодолены и к концу 1930-х гг.⁹

Тема голода 1932–1933 гг. как итога форсированной сталинской модернизации получила глубокую проработку в многочисленных трудах В. В. Кондрашина, сначала на материалах отдельных российских регионов, а затем и всего СССР¹⁰. В. И. Ильин пришел к выводу о том, что до начала коллективизации существовала качественная специфика аграрных отношений в разных регионах Советского Союза, но она исчезла в 1930-е гг. после насаждения колхозно-совхозного строя¹¹.

⁸ См.: Современные концепции аграрного развития : теоретический семинар // Отечественная история. 1993. № 2. С. 3–28; 1994. № 4–5. С. 48–76; 1995. № 3. С. 101–134; № 6. С. 143–177.

⁹ См.: **Данилов В. П.** Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : док. и материалы : в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 13–67; **Ивницкий Н. А.** Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) : учебное пособие для вузов и школ. М., 1996; **Его же.** Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000; **Зеленин И. Е.** Введение (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : док. и материалы : в 5 т. Т. 3. Конец 1930 – 1933. М., 2001. С. 7–47; **Данилов В. П., Зеленин И. Е.** Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5. С. 97–111 и др.

¹⁰ См.: **Кондрашин В., Пеннер Д.** Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара; Пенза, 2002; **Кондрашин В. В.** Механизм возникновения голода в СССР в начале 1930-х гг. // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы междунар. науч. конф. М., 2011. С. 33–45; **Его же.** Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М., 2014 и др.

¹¹ См.: **Ильиных В. А.** Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год : Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы XX–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 623.

В то же время С. А. Есиков, проследив судьбу русской общины на материалах тамбовского крестьянства вплоть до конца 1920-х гг., пришел к выводу об отсутствии реальной оппозиции и альтернативы сталинской коллективизации¹².

Особенный интерес представляют публикации О. А. Суховой, в которых она показала всю сложность и неоднозначность процесса трансформации крестьянского сознания в первые десятилетия Советской власти, а также проанализировала хозяйство и практики социального взаимодействия в условиях реализации мобилизационной модели советской экономики в 1930-е – начале 1950-х гг.¹³

История СССР в период руководства И. В. Сталина активно изучалась и зарубежными исследователями. Исследование повседневного и чрезвычайного в сталинской России в 1930-е гг. на материалах сельской жизни представлено в трудах Ш. Фицпатрик¹⁴, а также специалиста Бостонского университета Р. Маннинг¹⁵. Интерес представляет идея А. Грациози выделить события 1928–1933 гг. в особый период, который он назвал «великой драмой», то есть конфликта-войны Советского государства с основной частью его населения – крестьянством¹⁶. Ответом на сплошную коллективизацию стал «крестьянский бунт», причины, ход и последствия которого подробно рассмотрены в монографии Л. Виолы¹⁷.

В регионах и национальных республиках Среднего Поволжья различными аспектами социально-экономических преобразований изучаемого времени занимались Р. В. Шайдуллин и И. И. Галимуллин (Татарстан), К. А. Коломиец (Пенза), Н. Е. Каунова (Ульяновск), И. Ф. Ялтаев (Марий Эл), В. В. Якоб (Республика Коми), А. А. Слезин, В. Б. Безгин и В. П. Николашин (Тамбов)¹⁸.

¹² См.: *Есиков С. А.* Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010 и др.

¹³ См.: *Сухова О. А.* Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008; *Ее же.* Советское крестьянство как ресурс мобилизационной экономики: исторический опыт и реалии социализма // Уральский исторический вестник. 2020. № 1 (66). С. 103–112.

¹⁴ См.: *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008.

¹⁵ См.: *Маннинг Р.* Политический террор как политический театр. Районные показательные суды 1937 г. и массовые операции // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : док. и материалы : в 5 т. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. М., 2004. С. 51–71.

¹⁶ См.: *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001. С. 5.

¹⁷ См.: *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.

¹⁸ См.: *Шайдуллин Р. В.* Крестьянские хозяйства Татарстана в 1920-х годах : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2003; *Галимуллин И. И.* Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР, 1929–1932 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000; *Коломиец К. А.* Репрессивная политика Советского государства в деревне в 1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005; *Каунова Н. Е.* Голод в начале 1930-х гг. в Средне-Волжском крае : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005; *Ялтаев И. Ф.* Коллективизация сельского хозяйства в Марийской автономной области в 1929–1936 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999; *Якоб В. В.*

Начавшиеся во второй половине 1980-х гг. «перестройка», «демократизация» и «гласность» привели к тому, что религия сначала перестала рассматриваться как однозначно враждебная социализму идеология, а затем уже в постсоветской России была издана целая серия исследований, значительно обогативших историографию проблемы государственно-церковных отношений эпохи сталинской модернизации деревни¹⁹. Исследования регионального уровня (Ф. Н. Козлова, Э. Д. Малюковой, Ю. В. Гераськина и др.) позволили глубже вникнуть в проблему взаимосвязи внедрения новой советской культуры и образования в рассматриваемый нами период с активизацией атеистической пропаганды и новой волны гонений²⁰.

Различные аспекты преобразования многонациональной деревни во второй половине 1920-х – 1930-е гг. привлекали внимание целого ряда исследователей Мордовии второй половины XX в., работы которых вплоть до 1990-х гг. были написаны в соответствии с официальной трактовкой²¹.

Изменение общеполитической ситуации в СССР во второй половине 1980-х гг. привело в итоге к переосмыслению аграрной истории Мордовии 20–30-х гг. XX в.²²

Коми-крестьянство в 1920–1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005; *Слезин А. А.* Коллективизация сельского хозяйства в 1928–1930 годах: роль «легкой кавалерии» // Научный диалог. 2019. № 3. С. 292–306; *Безгин В. П., Николашин В. П.* Политика коллективизации и крестьянское сопротивление (по материалам Козловского округа Центрально-Черноземной области) // Научный диалог. 2019. № 6. С. 243–259 и др.

¹⁹ См.: *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху «сталинского социализма». 1917–1953 гг. М., 2014 и др.

²⁰ См.: *Гераськин Ю. В.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Рязань, 2008; *Козлов Ф. Н.* Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в 1917 – начале 1940-х гг. (по материалам Чувашии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2009; *Малюкова Э. Д.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советской власти в 1918–1937 гг. : на примере Пензенского края : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010 и др.

²¹ См.: *Ивашкин С. С.* Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии. Саранск, 1957; *Агеев М. В.* Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск, 1960; *Филатов Л. Г.* О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства в Мордовии // История СССР. 1968. № 6. С. 113–125; *Яшкин И. А.* К истории коллективизации сельского хозяйства в Мордовии // Расцвет и сближение уровней культуры народов Поволжья. Горький, 1975. С. 117–133; *Дорожкин М. В.* Некоторые вопросы историографии колхозного строительства в Мордовии // Труды НИИЛЭ при СМ МАССР. 1976. Вып. 55. С. 3–19; История советского крестьянства Мордовии. Ч. 1. 1917–1937 гг. Саранск, 1987; История советского крестьянства Мордовии. Саранск, 1989. Ч. 2.

²² См.: *Красников А. А.* Деятельность советских и партийных органов по формированию рядов рабочего класса и изменению социально-демографической структуры и численности населения Мордовии (конец 20-х – 30-е годы) // Деятельность КПСС по формированию многонационального рабочего класса: история и современность. Саранск, 1989. С. 63–75; *Филатов Л. Г.* Коллективизация в Мордовии: проблемы, особенности, время завершения // На перекрестке мнений : сборник статей. Саранск, 1990. С. 188–199; *Адушкин Н. Е.* Трагедия сельских тружеников // Вестник Мордовского университета. 1992. № 1. С. 13–16; *Букин М. С.* Становление мордовской советской национальной государственности (1917–1940). Саранск, 1990; *Балашов В. А.* Бытовая культура мордвы: традиции и современность. Саранск, 1992; *Абрамов В. К.* Мордовский народ (1897–1939 гг.). Саранск, 1996.

Существенный вклад в ее изучение внесло новое поколение историков республики, начало научного творчества которого приходится на постсоветский период. Ими были исследованы проведение коллективизации и раскулачивания на микроуровне, показано обострение целого ряда социально-экономических проблем (голод, уменьшение численности скота, низкая урожайность, рост миграции и т. д.), с которыми столкнулись сельские жители автономии в результате форсированного огосударствления аграрной сферы²³.

Реализация антирелигиозной политики на территории Мордовии за почти два межвоенных десятилетия, направленной на всяческое искоренение религиозной жизни и насаждения атеизма в селе и городе, стала предметом изучения в трудах постсоветского времени Н. Ф. и Е. Н. Мокшиных, В. И. Лаптуна и С. Б. Бахмутова, А. И. Белкина, А. В. Маланкина²⁴. Проблемы развития школьного образования в контексте модернизаторской политики в рассматриваемый период получили освещение в исследованиях И. А. Фирсовой и Г. А. Куршевой²⁵.

Таким образом, историками Мордовии в постсоветский период была проделана значительная работа по созданию общей картины хода и методов проведения модернизации деревни, по анализу особенностей и последствий ее проведения в данном многонациональном регионе, рассмотрению проявлений протестных отношений крестьянского социума, изменениям в сельской культуре и быту. В то же время необходимо признать, что остается целый ряд актуальных проблем, которые требуют дальнейшего и более глубокого исследования. К одному из таких вопросов

²³ См.: *Еферица Т. В., Еферица Ю. Г.* История села Старое Синдрово // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 1996. М., 1996. С. 160–206; *Мирошкин В. В.* Сельские сходы у мордвы в первое послеоктябрьское десятилетие // Актуальные проблемы социально-экономического, историко-культурного и правового развития народов Поволжья. Саранск, 2005. С. 66–72; *Маришкин О. И.* Государство тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004; *Ефимова А. И.* Национальное самосознание мордвы: факторы и тенденции (1920–1930 гг.) // Вестник Мордовского университета. 1994. № 1. С. 19–24; *Солдаткин А. П.* Властные институты Мордовии в период модернизации 1930-х гг. Саранск, 2007; *Надькин Т. Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М., 2010; *Юрченков В. А.* Аграрная политика сталинизма в национальных республиках Поволжья: общее и особенное // Центр и периферия. 2011. № 1. С. 91 и др.

²⁴ См.: *Мокшина Е. Н.* Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века. Саранск, 2003; *Бахмутов С., Лапун В.* Разорванное ожерелье. Саранск, 1991; *Лапун В. И., Надькин Т. Д.* «Воинствующие безбожники» и разгром Церкви // Русская православная церковь в Мордовии в советский и постсоветский периоды: от гонений к возрождению. Саранск, 2013. С. 22–38; *Белкин А. И.* Государственно-церковные отношения в Мордовии в 1920-е – начале 1960-х годов (по материалам Русской Православной Церкви) // История в культуре, культура в истории. Саранск, 2001. С. 231–246; *Маланкин А. В.* Русская православная церковь на территории Мордовии в XX – начале XXI века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017.

²⁵ См.: *Фирсова И. А.* Становление и основные тенденции развития системы школьного образования в Мордовии (1917–1941) : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1998; *Куршева Г. А.* Образование и власть в Мордовии (1917–1941 гг.). Саранск, 2007.

относятся трансформации общественных настроений и социального поведения крестьянства Мордовии в условиях радикальных преобразований второй половины 1920 – 1930-х гг., ставшие темой данного диссертационного исследования.

Объектом исследования выступает крестьянство как общность и социальный носитель особых ментальных и психологических характеристик, определивших особенности форсированного перехода от традиционного к индустриальному обществу в условиях советской модернизации второй половины 1920-х – 1930-е гг.

Предметом исследования является процесс трансформации социального поведения многонационального крестьянства Мордовии в условиях социально-экономических и социокультурных преобразований Советского государства в деревне в годы первых пятилеток (вторая половина 1920-х – 1930-е гг.).

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают вторую половину 1920-х – 1930-е гг. Нижний хронологический рубеж исследования определяется серединой 1920-х гг., когда были приняты решения о курсе на создание тяжелой индустрии как основы социалистического преобразования всей экономики (1925 г.) и об объединении и преобразовании мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы (1927 г.). Верхней границей хронологических рамок избрана вторая половина 1930-х гг., когда в результате сталинской модернизации завершается формирование нового социокультурного облика советской деревни. При анализе отдельных аспектов социально-экономического и социокультурного развития крестьянства привлекался выходящий за рамки исследования материал, относящийся к периоду Гражданской войны и первой половине 1920-х гг.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию современной Республики Мордовии, границы которой фактически оформились после реорганизации Мордовского округа в январе 1930 г. в Мордовскую автономную область (МАО), преобразованную в декабре 1934 г. в Мордовскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (МАССР) в составе Средне-Волжского (с 1935 г. – Куйбышевского) края. После принятия Конституции СССР 1936 г. и упразднения Куйбышевского края МАССР непосредственно вошла в состав РСФСР.

Целью диссертационного исследования является структурный, комплексный анализ трансформации социального поведения крестьянства Мордовии в условиях радикальных преобразований, проводимых Советской властью в аграрной сфере во второй половине 1920-х – 1930-х гг.

Для реализации указанной цели предстоит решить следующие **задачи**:

1) дать характеристику социально-экономической политике Советского государства в отношении полиэтнического крестьянства в рассматриваемом регионе Среднего Поволжья во второй половине 1920 – 1930-е гг.;

2) оценить экономические, социальные и демографические последствия коллективизации и репрессий для крестьянского социума Мордовии;

3) рассмотреть динамику социального поведения крестьянства Мордовии в период аграрной модернизации во второй половине 1920-х – 1930-е гг.;

4) проанализировать религиозный аспект рассматриваемой проблемы в контексте наступления Советской власти на конфессии (православие и ислам) и насаждения атеистической идеологии в период радикальных преобразований в регионе;

5) проследить изменения в социальном поведении крестьянства Мордовии вследствие проводившейся социокультурной политики во второй половине 1920-х – 1930-е гг. в контексте масштабной трансформации крестьянского мировоззрения, бытового уклада и духовной культуры.

Источниковая база исследования. Диссертационная работа основывается на неопубликованных (архивных) и опубликованных источниках, объединенных условно в несколько групп.

Первую группу источников образуют архивные материалы, извлеченные, прежде всего, из Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ) и Научного архива Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НА НИИГН при Правительстве РМ). Анализ особенностей реализации социально-экономической политики в деревне Мордовии (например, о хлебозаготовках, налоговой политике, коллективизации, раскулачивании и т. д.) во второй половине 1920-х – 1930-е гг., так и об отношении к ней различных групп крестьянства представлен на основе извлеченных документов фондов Мордовского окружного (ф. Р-149) и областного (ф. Р-238) исполнительных комитетов; фонда Совета Министров Мордовской АССР (ф. Р.-228), фонда Прокуратуры Мордовской автономной области (ф. Р-437), фондов Мордовского окружного (ф. 326-П) и областного (ф. 269-П) комитетов ВКП(б), фонда Министерства сельского хозяйства МАССР (ф. Р-516). Среди них, прежде всего, бывшие ранее под грифами «секретно» докладные записки, отчеты и т. п. районных и республиканских органов партийной и исполнительной власти в вышестоящие инстанции.

Для оценки результатов модернизационной политики в деревне Мордовии были использованы статистические сведения о производстве зерновых культур, положении в животноводстве в единоличной и колхозно-совхозной деревне, материально-техническом обеспечении аграрного сектора до и после коллективизации, извлеченные из документов фондов Статистического отдела Мордовского областного исполнительного комитета (ф. Р-147) и Статистического управления МАССР (ф. Р-662), а также количественные и качественные данные, представленные в опубликованных коллективных и монографических научных трудах²⁶. Советская статистика указанного времени характеризуется ограниченностью и деформированностью предна-

²⁶ См.: История советского крестьянства Мордовии. Ч. 1. 1917–1937 гг. Саранск, 1987; *Надькин Т. Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М., 2010 и др.

значенных для открытой печати сведений, тем не менее она дает адекватное представление об итогах развития села автономии за более чем десятилетний период.

Отдельные сведения о ходе и итогах коллективизации в автономии были взяты из НА НИИГН при Правительстве РМ, среди которых основное место занимают копии архивных документов по коллективизации (И-672, И-673, И-1270).

Степень достоверности и специфика данных архивных документов определяется характером новых региональных властей, зачастую стремившихся завысить показатели в стремлении отчитаться о своих успехах перед вышестоящим руководством. Однако в целом данный материал адекватно отражает политику советского государства в отношении крестьянства (в нашем случае – крестьянства Мордовии) в рассматриваемый период.

Вторую группу источников образуют советские и партийные документы, опубликованные еще в советское время. В них представлены несекретные на момент издания нормативные и делопроизводственные документы, которые должны были служить обоснованием целей, задач и реализации сталинской модернизации как в общегосударственном масштабе, так и на уровне отдельных республик и областей; показывались лишь достигнутые успехи колхозов системы к концу 1930-х гг. в решении задач обеспечения государственных хлебозаготовок и пр., материально-технического обеспечения колхозов²⁷.

К третьей группе источников относятся издания 1990 – 2000-х гг., ставшие итогом сотрудничества отечественных и зарубежных исследователей в постсоветский период²⁸. Опубликованные в указанных сборниках источники из центральных и региональных архивов представляют собой постановления и др. документы ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам, связанным с колхозным строительством в стране; они дают возможность рассмотреть, как осуществлялся «слом» НЭПа, разворачивалась сплошная коллективизация и роль в ней «ликвидации кулачества»; как крестьянство реагировало на проводимую в деревне политику в довоенное десятилетие; показаны итоги первых пятилеток развития сельского хозяйства; подробно освещен ход реализации массовых репрессий в деревне в годы «Большого террора» 1937–1938 гг.

²⁷ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953). Ч. 2. 1925–1953. М., 1953; Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье (1927–1937 гг.). Куйбышев, 1970; Победа колхозного строя в Мордовской АССР : сборник документов и материалов / отв. ред. К. А. Котков. Саранск, 1970.

²⁸ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1932 : документы и материалы : в 5 т. Т. 2 (Ноябрь 1929 – декабрь 1930 гг.). М., 2000; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 : документы и материалы : в 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. М., 2003; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 : в 2 кн. М. 2005; «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 7. 1929 г. М., 2004 и др.

К четвертой группе источников отнесены материалы различных интернет-ресурсов и средств массовой информации (СМИ). Прежде всего, это постановления и др. документы ЦК ВКП(б) и ЦИК РСФСР и СССР, регулирующие деятельность сельских обществ в годы НЭПа, а впоследствии приведшие к их фактической ликвидации и организации сельских советов в начале 1930-х гг.²⁹ Отдельные сведения взяты из советских газет рассматриваемого времени, как всесоюзного («Правда»), так и регионального («Красная Мордовия») масштабов. Несмотря на тенденциозный характер указанных печатных СМИ, они содержат ценный фактический материал, отражающий политику власти по отношению к крестьянскому социуму.

Имеющиеся источники позволили получить разноаспектную информацию по проблеме трансформации социального поведения крестьянства автономии в конце 1920-х – 1930-е гг., а разноплановость источников дало возможность провести сопоставление и корреляцию имеющихся данных.

Теоретико-методологической основой исследования стал многоуровневый анализ с применением разноплановых методологических принципов. Абстрактный уровень методологии, применяемой в данном диссертационном исследовании, включает в себя общефилософские основы познания бытия, такие как принцип объективности и учета многофакторного характера изучаемого феномена (здесь – российского крестьянства на территории Мордовии); синергетический подход; системный подход; дедуктивный и индуктивный методы.

Важнейшим принципом научного исследования явился принцип историзма. В ходе исследования широко использовались общеисторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный анализ, к которому относятся структурный и функциональный методы. Другим методологическим уровнем данной диссертационной работы стали принципы комплексного междисциплинарного исследования, включающие в себя герменевтический, статистические и др. методы. Важным методологическим и концептуальным направлением нашего исследования стала теория модернизации, или так называемая модернизационная парадигма.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что оно представляет собой первую попытку комплексного и обобщающего научного анализа трансформации социального поведения многонационального крестьянства на примере Мордовии в условиях советской модернизации второй половины 1920-х – 1930-е гг.,

²⁹ Постановление ВЦИК СНК РСФСР от 14.03.1927 г. «Об утверждении положения об общих собраниях (сходах) в сельских поселениях» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20606#03806757370649827>; Постановление ВЦИК РСФСР от 30 июля 1930 г. «О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23743#034108503716891914>

охватившей все стороны общества, от экономики до духовной и материальной культуры и образования.

Выявлены региональные особенности реализации аграрной модернизации и дана оценка ее социально-экономических и демографических последствий для регионального крестьянского социума; проанализировано изменение социального поведения крестьянства в условиях радикальных преобразований, приведших к разрушению традиционного уклада и духовных основ жизни крестьянских общин. При этом особое внимание обращается на то, что власть ускоренными темпами проводила политику формирования новой общности – колхозного крестьянства с принципиально новым хозяйственным и бытовым укладом, новыми стереотипами общественного поведения, новыми мифологемами, внедряемыми в общественное сознание, в том числе и через советскую систему школьного образования.

Положения, выносимые диссертантом на защиту.

1. В основе социальной динамики крестьянства России в целом и Мордовии в частности в рассматриваемую эпоху лежат острейшие противоречия и связанные с ними социальные коллизии. Речь здесь идет, прежде всего, об упорном сопротивлении общинного сознания российского крестьянства радикальным изменениям в хозяйственном укладе и бытовых нормах со второй половины 1920-х гг., справедливо воспринимавшиеся как реальная угроза его вековым традициям.

2. Крестьянский этос (мировосприятие, включающее систему ценностей) рассматриваемых периода и региона обладал рядом типичных черт, характерных для изучаемой социальной группы, таких как тесная взаимосвязь с природой и природными временными циклами-сезонами (здесь уместно применение термина «природообусловленность»); преобладание хозяйственных интересов (сначала – собственника, потом – колхозника); определенный синкретизм сознания, то есть нерасчлененность системы представлений, сочетающих патриархальные традиции с внедряемыми извне «инновациями»; подвергшаяся ломке высокая степень религиозности (православной для русских крестьян региона, православной с элементами мордовского язычества для мокшанских и эрзянских крестьян, мусульманской для татарских крестьян и, в крайне незначительных масштабах, протестантской для отдельных групп мордовского крестьянства), связанная с этим мифологизированность крестьянского сознания, соответствующая общинному архетипу.

3. «Сталинская аграрная модернизация», неотъемлемой и важнейшей частью которой была политика сплошной коллективизации и «раскулачивания», на территории Мордовии, как и всей России, проявилась в полной мере и имела весьма неоднозначные последствия. С одной стороны, здесь также утвердился колхозно-совхозный строй, который будет оставаться основой аграрного сектора экономики СССР вплоть до его распада в 1991 г. и в целом продемонстрирует свою эффективность. Однако оборотной стороной этого процесса в Мордовии

стала гибель крестьян в ходе репрессий и голода, депортация нескольких тысяч раскулаченных в другие регионы страны.

4. Разрушение социально-экономического уклада крестьян Мордовии в годы коллективизации проходило параллельно и во многом взаимосвязано с наступлением советских властей на духовные основы жизни сельских общин, связанные с православными (для русских и мордвы) и исламскими (для татар) традициями. В 1930-е гг. Русская православная церковь на территории Мордовии, а также татарская мусульманская умма (община) Мордовии подверглись масштабному разгрому и репрессиям, что, впрочем, не привело к полному вытеснению религиозного компонента из крестьянского быта. С другой стороны, советская идеология, с ее отрицанием религии и культивированием классовой борьбы, внедрялась в общественное сознание крестьян через новую, формирующуюся в тот период систему школьного образования, призванную сформировать из крестьянских детей людей новой, советской формации, а также через курсы ликвидации неграмотности, охватывающие взрослое население сельских районов.

5. Социальное поведение крестьян Мордовии зачастую принимало формы «социального экстремизма», открытого бунта (восстания, избиения или убийства партийных и советских работников и т. п.), а также латентного сопротивления (например, в виде пренебрежительного отношения к колхозному труду, низкой трудовой дисциплины). С другой стороны, на социальное поведение крестьян Мордовии рассматриваемого периода огромное влияние оказал процесс формирования в их среде принципиально нового социального типа – колхозного крестьянства, с новым бытовым укладом, новой системой идеологических установок и культурных ценностей.

Специальность, которой соответствует диссертация. Публикации и диссертация соответствуют критериям специальности 5.6.1. Отечественная история.

Теоретическая и научно-практическая значимость работы. Фактический материал и результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей научной разработки социально-психологической интерпретации истории российского крестьянства, изучения изменений социальных представлений и поведения в эпоху грандиозных преобразований довоенных пятилеток, а также в ходе преподавания дисциплин, связанных с новейшей историей Отечества, при подготовке курсов лекций и учебных пособий по истории и культуре мордовского края, написании обобщающих трудов по истории российского крестьянства первой половины XX в.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертации были изложены в 2011–2016 гг. на научно-практических конференциях различного статуса в гг. Саранск, Ульяновск, София и Пшемысль, а также в опубликованных 14 научных работах, из которых четыре в рецензируемых научных журналах, входящих в список рекомендованных изданий ВАК РФ, одна статья в журнале, входящем в международную базу данных Web of Science.

Структура диссертационного исследования обусловлена поставленными целью и задачами, включает в себя введение, две главы, заключение, список использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, проанализирована степень ее изученности, определены объект и предмет, территориальные и хронологические рамки диссертации, поставлены цель и задачи работы, дана характеристика источниковой базы, охарактеризована теоретико-методологическая база исследования, раскрыта его научная новизна, сформулированы выносимые на защиту положения, обоснованы теоретическая и научно-практическая значимость и приведены сведения об апробации результатов диссертации.

В первой главе **«Социально-экономические факторы влияния на социальное поведение крестьянства Мордовии во второй половине 1920-х – 1930-е гг.»** проанализированы региональные особенности реализации социально-экономической политики власти в отношении советской деревни, исследовано ее влияние на трансформацию социального поведения многонационального крестьянства, рассмотрены основные формы и методы социального протеста в годы первых пятилеток.

В первом параграфе **«Региональные особенности социально-экономической политики в деревне Мордовии во второй половине 1920-х – 1930-е гг.»** изучено положение в деревне мордовского края в годы нэпа, выделены особенности реализации планов первых пятилеток в сельском хозяйстве Мордовского округа – Мордовской АО – Мордовской АССР, выявлены итоги более чем десятилетней политики сталинской модернизации на примере крестьянского социума региона.

К концу нэпа сельское хозяйство мордовского края в основном смогло преодолеть последствия кризиса, вызванного Первой мировой войной, революциями 1917 г., продразверсткой и Гражданской войной. К 1929 г. сельское хозяйство Мордовии (в границах 1937 г.) по большинству показателей (посевная площадь, поголовье лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз) превзошло дореволюционный уровень и достигло пика в своем развитии за 1920-е гг. В то же время существовал целый ряд проблем, который тормозил дальнейшее развитие сельского хозяйства края: аграрное перенаселение, недостаточная материально-техническая база, невысокая урожайность основных зерновых культур и ее тесная зависимость от природных условий и т. д.

В этой ситуации руководство страны видело решение проблем единоличной деревни за счет создания крупных коллективных хозяйств, где можно было повысить эффективность производства за счет использования современной техники и агрономии. В то же время государству было проще контролировать крупные кол-

лективные хозяйства, в первую очередь, в плане поставок зерна, и тем самым избежать кризисов хлебозаготовок.

Основным методом вовлечения крестьян в создаваемые колхозы в деревнях и селах Мордовии сразу стали сильнейший административный нажим, угрозы, усиленное налогообложение и «раскулачивание». При этом масштабы раскулачивания в Мордовском автономном округе значительно превосходили количество реальных кулаков. Так, если Мордовская окружная налоговая комиссия в конце лета 1929 г. утвердила к индивидуальному обложению кулацких хозяйств, то в мае 1930 г. раскулачиванию подверглись по разным данным от 5 015 до 7 000 хозяйств (от 1,98 % до примерно 2,8 % от всего количества крестьянских хозяйств).

В результате на первом этапе коллективизации к 10 марта 1930 г. в колхозы вступила почти половина крестьянских хозяйств мордовского края (49,7 %). Но репрессивная политика вызвала массовое антиколхозное и антисоветское движение, в результате чего давление на крестьянство было временно ослаблено, и к 1 мая 1930 г. в Мордовии количество вступивших в колхозы хозяйств уменьшилось до 8,2 % (более чем в шесть раз по сравнению с мартом того же года).

Но уже в 1931 г. в результате нового наступления на единоличное крестьянство в колхозы вступило более 70 % хозяйств Мордовской автономной области. Для ослабления протеста крестьян только с конца марта по июнь 1931 г. отсюда было выслано более 2 000 крестьянских семей. В то же время для стимулирования коллективизации колхозы и колхозники стали получали льготы, в организуемые МТС стала поставляться сельхозтехника, налаживалась система подготовки сельскохозяйственных кадров, через средства массовой информации пропагандировались достижения колхозной системы и т. д. Несмотря на это, вскоре произошел новый отток крестьян из колхозов, и к январю 1933 г. в колхозах Мордовии осталось 57,8 % хозяйств, при том что обобществленная земля «выходцам» в основном не возвращалась.

В итоге насильственной коллективизации за 1930–1932 гг. сельское хозяйство Мордовской автономной области лишились около 50 % поголовья крупного рогатого скота, 38 % поголовья лошадей и около 80 % овец. Производство мяса снизилось на 37,3 %, молока – на 32,4 %. К концу первой пятилетки не были выполнены плановые задания по расширению посевных площадей до почти 1,5 млн га (в 1932 г. засеяно немногим более 1 100 тыс. га) и увеличению урожайности зерновых культур до 11–12 ц/га (средняя урожайность ржи в 1932 г. – 9,2 ц/га; пшеницы – 4,2 ц/га; овса – 4,8 ц/га; проса – 6,2 ц/га). Значительно меньше запланированного оказалось количество тракторов в МТС и совхозах: в начале 1932 г. было 822 трактора, а в конце года – 1 022 трактора, часть из которых оказалась неработоспособной.

Прямым результатом насильственной коллективизации и принудительных хлебозаготовок стал голод 1932–1933 гг., который привел к распространению в 1933–1934 гг. различных заболеваний, снижению естественного прироста сельского населения Мордовии.

На протяжении второй половины 1930-х гг. произошло укрепление материально-технической базы колхозно-совхозного производства, выросло количество МТС с 22 в 1932 г. до 46 в 1937 г., которые обеспечили своими услугами весной 1937 г. почти 95 % колхозов. В 1937 г. был достигнут рекордный валовой сбор зерновых культур – 900 тыс. т (например, в 1929 г. – 622 тыс. т). Но во многом он был достигнут благодаря исключительно благоприятным погодным условиям, и уже в 1938 и 1939 гг. снова наблюдается значительное снижение валовых сборов зерновых. Не был преодолен кризис в животноводстве: так, поголовье крупного рогатого скота в 1940 г. составило около 43 % от 1929 г., лошадей – 47,5 %, овец и коз – 34,4 %, свиней – 91 %.

Череда неудач непосредственно повлияла на новый виток репрессий с конца второй пятилетки. Меньше чем за год (с 30 июля 1937 г. по 1 марта 1938 г.) в МАССР были осуждены 3 000 чел., в том числе к расстрелу – 1 497 чел.

Таким образом, осуществленная при активном использовании насильственных методов коллективизация не привела к быстрому развитию сельского хозяйства Мордовии. Несмотря на более широкое использование машинной техники, не удалось добиться значительного повышения урожайности, которая продолжала сильно колебаться в зависимости от погодных условий. В животноводстве произошло резкое поголовье скота. Также коллективизация сопровождалась усилением репрессивной политики, приведшей к уничтожению наиболее эффективных крестьянских хозяйств и вызвавшей рост сопротивления со стороны крестьянства.

Во втором параграфе *«Динамика социального поведения крестьянства Мордовии в период довоенной модернизации»* исследуется реакция крестьянства на проводимую властями социально-экономическую политику, выражавшаяся как в социальном протесте крестьян, так и в различных формах их приспособления к новым колхозным реалиям.

В условиях нэпа крестьянство до кризиса хлебозаготовок 1927–1928 гг. пыталось решать возникающие проблемы через возродившуюся общину, через укрепление своего влияния в местных советах, при этом высказывая свое мнение по поводу политики в деревне порой в нелюбимых для большевиков выражениях.

Антикрестьянская политика властей во время проведения хлебозаготовок на фоне разворачивающегося вооруженного конфликта на КВЖД привела в 1929 г. к росту волнений на селе, распространению негативного отношения к Советской власти, пораженческих и антисоветских настроений среди разных социальных групп сельского населения Мордовии.

Начатый с осени 1929 г. переход к сплошной коллективизации, сопровождавшийся массовыми репрессиями, еще больше обострил ситуацию в деревне Мордовии. Зимой – весной 1930 г. по территории Мордовии прокатилась волна крестьянских выступлений, пик которых пришелся на март – апрель. Если за весь 1929 г. по Мордовскому округу было отмечено 42 массовых выступления, то только за 5 месяцев 1930 г. – уже 178. В результате некоторых из них имели место случаи временного (хотя и непродолжительного) упразднения советской власти в отдельных селах, когда власть фактически возвращалась крестьянским сходам.

Руководство Мордовии считало причиной обострения ситуации перегибы при проведении коллективизации, чрезмерное насилие в отношении бедняков и середняков. В то же время органы ОГПУ, руководившие борьбой с крестьянскими выступлениями, в своей отчетности преувеличивали их организованность, акцентируя внимание на руководящей роли в них «кулаков» и «церковников». Так, в оперсводках ОГПУ сообщалось о разгромленных «контрреволюционных кулацких группировках».

В 1931 г., несмотря на вновь усилившееся давление на крестьянство, количество волнений по Мордовской автономной области, как и по всей стране, неуклонно снижалось. Одним из факторов этого были массовые депортации раскулаченных крестьян. Тем не менее угрозы в адрес местных руководителей, активистов и колхозников, их избиения, а в ряде случаев и убийства не прекращались и в последующие годы.

Рубежом в переходе от преобладания активного сопротивления крестьянства политике форсирования сплошной коллективизации к пассивным формам сопротивления в условиях с огромным трудом формирующейся колхозно-совхозной экономики стал голод 1932–1933 гг. Основная масса крестьянства морально и физически устала от конфронтации с властью, при этом наиболее активные противники колхозов уже находились в заключении, в ссылке или были расстреляны. В середине 1930-х гг. наметилось определенное смягчение политики властей в отношении деревни, значительная часть которой уже была коллективизирована и стремилась адаптироваться к новым колхозным реалиям.

Основными формами пассивного сопротивления крестьян являлись письма-жалобы на руководство, низкая трудовая дисциплина, воровство колхозного имущества, пьянство, бегство в город и пр. Одной из проблем стало снижение сельского населения из-за миграции крестьян в города за пределами Мордовской АССР, что сказывалось и на численности трудоспособных членов колхозов. Так, сельское население автономии (в границах МАССР 1940 г.) в 1930 г. составило 1 340,1 тыс. чел., а в 1939 г. – 1 106,1 тыс. чел.

Таким образом, несмотря на ряд положительных сдвигов в развитии сельского хозяйства Мордовской автономии в результате коллективизации (механизация

сельскохозяйственных работ, появление новых профессий на селе и пр.), основные проблемы так и не были решены. Тревожное международное положение, постоянное муссирование темы внешней угрозы на фоне провалов в аграрной политике внутри страны не способствовали стабилизации социальных отношений в сельской местности. Следствиями стали вспышки агрессии в отношении актива села и колхозников, рост числа преступлений против общественной собственности, распространение различного рода слухов и агитации против колхозного строя.

Вторая глава **«Социокультурные факторы влияния на социальное поведение крестьянства Мордовии во второй половине 1920-х – 1930-х гг.»** посвящена исследованию антирелигиозной политики Советской власти и анализу произошедших в укладе жизни сельского населения Мордовии изменений.

В первом параграфе **«Антирелигиозная политика Советской власти на территории Мордовии и ее последствия»** рассматривается насильственное насаждение атеизма в крестьянском социуме, которое представляло собой радикальное разрушение основ духовной, культурной, бытовой жизни крестьянства Мордовии.

К началу XX столетия основная масса крестьянства мордовского края (русские и мордва) исповедовала православное христианство при наличии мусульман в лице татар, а также небольших групп протестантов.

Уже в первые годы своего существования Советская власть взяла курс на борьбу с религиозным мировоззрением. Основной удар был нанесен по Русской православной церкви. Так, если до октября 1917 г. на территории мордовского края было 589 православных церквей, в 1935 г. всего 71, а к 1938 г. здесь не осталось ни одного действующего православного храма.

Отношение к исламу в первые годы советской власти было более лояльным, как к религии «угнетаемых царизмом национальных меньшинств». Но в последующие годы он так же подвергся гонениям, большинство мечетей было закрыто, хотя концу 1930-х гг. в Мордовской АССР все еще четыре функционировали мечети.

Антирелигиозная политика вызвала стихийное сопротивление со стороны крестьянства. Одним из резонансных стало «ладское дело», связанное с событиями 1929–1930-х гг. В 1930 г. волнения на религиозной почве произошли в с. Посоп Саранского района (300 участников), в с. Кученяево Ардатовского района (200 участников), в с. Новая Пырма Кочкуровского района (200 участников), в с. Дубровка Торбеевского района (500 участников) и т. д.

В деревне произошел своеобразный раскол: с одной стороны – воспринявшие новую атеистическую идеологию, «жизнь без Бога», с другой – сохранившие свои религиозные убеждения.

В целом можно констатировать, что антирелигиозная политика не достигла своих целей, крестьянство Мордовии в подавляющем большинстве сохранило

свою приверженность религии (православию и исламу). Это подтвердили данные Всесоюзной переписи населения 1937 г., согласно которой к той или иной конфессии отнесли себя почти 60 % граждан.

Во втором параграфе *«Изменения в укладе жизни сельского населения Мордовии»* проведено исследование произошедших изменений во второй половине 1920-х – 1930-е гг. в повседневной жизни крестьянства.

В первые постреволюционные годы произошло укрепление традиционного сельского уклада жизни. Усилился авторитет общины и сельских сходов, в которых представители советской власти не пользовались большим влиянием. Но курс на сплошную коллективизацию привел к фактической ликвидации общины и уничтожению общинного самоуправления. Однако создаваемые сельские советы не стали эффективной заменой ликвидированным общинным структурам и традициям.

Своеобразным следствием разрушения традиционной деревенской общины в Мордовии стало распространение пьянства на селе. Алкоголизм стал своеобразной рефлексией и одновременно латентной формой протеста в условиях нестабильности и тяжких испытаний.

Усилению позиций советской власти на селе, особенно среди молодежи, должна была способствовать начавшаяся культурная революция. В Мордовии были развернуты масштабные мероприятия по ликвидации неграмотности, а также в области культурно-просветительской работы.

Согласно официальной статистике, задача распространения всеобщего начального обучения в Мордовии была практически решена уже к концу первой пятилетки: если в 1929/1930 учебном году в начальных школах училось около 50 % детей соответствующего возраста, то в 1932/1933 учебном году уже около 97 %, а в 1934 г. уже 100 %. Сложнее обстояло с всеобщим семилетним образованием, которое по плану должно осуществиться в 1937/1938 учебном году. Несмотря на значительное увеличение количества школ, в 1939 г. семилетним образованием в сельской местности было охвачено только 89 % детей школьного возраста.

Стали предприниматься меры по налаживанию медицинского обслуживания сельского населения, страдающего различными заболеваниями, в т. ч. инфекционными – туберкулезом, трахомой, тифом, корью и т. д. Основной проблемой оставалась слабая материально-техническая база и дефицит кадров медработников на селе.

В 1930-е гг. произошла радикальная трансформация семейной обрядности на селе. Основным проявлением новой советской семейной обрядности стало устройство так называемых «красных свадеб», которые, впрочем, носили спорадический и пропагандистско-показательный характер.

Важным последствием социально-экономической и культурной политики, проводимой советской властью в деревне 1920–1930-х гг. стала массовая и масштабная эмансипация женщин, которая зачастую наталкивалась на сопротивление мужской части населения. Для предоставления крестьянкам реальной возможности участвовать в общественной, политической, производственной и культурной деятельности наравне с мужчинами необходимо было облегчить их положение в быту. Этому способствовало создание женских консультаций, родильных домов, уголков матери и ребенка, дошкольных учреждений.

Менялся и характер самих поселений крестьян Мордовии. Строились помещения для общественного скота, зернохранилища и пр., административные и культурно-бытовые учреждения, что повлекло некоторые новшества в планировании самих поселений, осуществлялось оздоровление жилищной среды.

Первостепенная роль в деле формирования и внедрения новой обрядности, обогащения общественного досуга сельчан принадлежала культурно-просветительным учреждениям (красным уголкам, избам-читальням, клубам, народным домам). Они являлись своеобразными методическими центрами, в которых концентрировалась народная инициатива и проходила апробация первых советских обрядов и праздников.

Таким образом, наиболее значимые изменения в сознании и образе жизни крестьян проявлялись в отходе, прежде всего, молодежи от религии, привнесении в сельский быт городских стандартов жизни, что сопровождалось агрессивным культивированием коллективных ценностей. Новая власть умело играла на крестьянских чаяниях о «мужицкой правде» и социальной справедливости. При этом совершенно не учитывались этническая специфика и национальные традиции крестьянства в многонациональных и поликонфессиональных регионах, одним из которых была Мордовия.

В заключении подведены итоги диссертационного исследования.

Политика свертывания нэпа во второй половине 1920-х гг. в итоге закономерно привела к сплошной коллективизации, не учитывающей в реалиях какой-либо специфики регионов страны, в том числе и многонациональной Мордовии.

Желание крестьянства сохранить традиционные формы хозяйствования вызвало небывалый с гражданской войны всплеск насилия – политику массового раскулачивания, обусловленную стремлением обезглавить традиционную деревенскую верхушку и свести до минимума сопротивление коллективизации.

Ответной реакцией стал социальный протест крестьянства, который выражался как в активной, так и пассивной формах. Несмотря на корректировки, вносимые руководством страны в политику коллективизации, социальная напряженность, связанная со злоупотреблениями со стороны властей и крайне низким уровнем жизни, продолжала сохраняться в колхозах Мордовии и во второй половине

1930-х гг. Это, в свою очередь, обуславливало крайне низкую трудовую дисциплину, массовое уклонение от сельскохозяйственных работ в колхозах, рост миграционных потоков из коллективизированной деревни.

Коллективизация изменила общественное сознание крестьянства, происходил переход от мировосприятия мелкого собственника к культивируемым властью ценностям коллективизма. Произошла болезненная и внутренне противоречивая адаптация крестьян к новым социально-экономическим и социокультурным реалиям, которая сначала шла параллельно с крестьянским сопротивлением, а затем постепенно вытеснила его. Неотъемлемой частью этой адаптации стали эмансипация крестьянок и преодоление общей неграмотности на селе, формирование нового быта и нового досуга с сельскими клубами и революционными праздниками и т. п. Главным же итогом стало практически полное исчезновение старого крестьянского мира с его укладом и традициями, как в масштабах всей страны в целом так и на территории Мордовии в частности.

***Основные положения диссертационного исследования отражены
в следующих публикациях автора:***

*Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах,
рекомендованных ВАК при Минобрнауки России*

1. **Евдокимов А. П.** Трансформация уклада жизни крестьян Мордовии в 1920-е – 1930-е гг.: традиции и инновации / А. П. Евдокимов // Клио. – 2013. – № 5. – С. 50–53 (0,6 п. л.).
2. **Евдокимов А. П.** Социальное поведение крестьянства Мордовии в конце 1920-х – первой половины 1930-х гг.: от конфронтации к адаптации / А. П. Евдокимов, Т. Д. Надькин // Гуманитарные науки и образование. – 2014. – № 4. – С. 153–156 (0,4 / 0,2 п. л.).
3. **Евдокимов А. П.** Социально-экономические последствия сталинской коллективизации деревни в Мордовской АССР / А. П. Евдокимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы истории и практики. – 2015. – № 8 (58) : в 3 ч. Ч. II. – С. 83–86 (0,4 п. л.).
4. **Евдокимов А. П.** The "great terror" in the soviet countryside in 1937–1938: national and regional dimensions / А. П. Евдокимов, Т. Д. Надькин, И. А. Фирсова, К. В. Кочетков, Н. С. Массеева // Гуманитарные науки и образование. – 2021. – № 1. – С. 127–133 (0,5 / 0,1 п. л.).

Статьи в научных изданиях, индексируемых в WEB of Science

5. **Evdokimov A. P.** On the Issue of the Russian Peasantry Traditional Worldview Transformation in 1920s-1930s / A. P. Evdokimov, V. V. Miroshkin, T. D. Nadkin, J. E. Paulova, A. V. Merkushev, J. A. Gurevicheva // International Journal of Applied Exercise Physiology (IJAEP). – 2019. – Vol. 8 (2.1). – P. 920–925 (0,7 / 0,11 п. л.).

6. **Евдокимов А. П.** Социальное движение крестьянства начала 1930-х гг. в современной историографии / А. П. Евдокимов, А. А. Костин // «Мордовский народ в составе российской государственности: история и современность», межрегиональная научно-практическая конференция «Мордовский народ в составе российской государственности : история и современность», октябрь 2011 г. : [материалы] ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2011. – С. 78–81 (0,2 / 0,1 п. л.).
7. **Евдокимов А. П.** Роль протестных настроений в деревне Мордовии во второй половине 1920-х гг.: феномен социального экстремизма / А. П. Евдокимов, Т. Д. Надькин // «Новината за напреднали наука» – 2012 : материалы за 8-а международна научна практична конференция. – Т. 11. История. Философия. – София, 2012. – С. 13–15 (0,2 / 0,1 п. л.).
8. **Евдокимов А. П.** Роль протестных настроений в деревне Мордовии во второй половине 1920-х гг.: феномен социального экстремизма / А. П. Евдокимов, Т. Д. Надькин // «Aktualne problemy nowoczesnych nauk» – 2012 : materialy VIII Międz. naukov-prakt. konf. – Vol. 32. Historia. – Przemiśl : Nauka i studia, 2012. – С. 3–5 (0,2 / 0,1 п. л.).
9. **Евдокимов А. П.** Крестьянство, церковь и власть на территории Мордовии в 20–30-е гг. XX в. / А. П. Евдокимов // «Поликультурный диалог в современном мире» : междунар. заоч. науч.-практ. конф. : [материалы] в 2 ч. Ч. 1. – Саранск, 2012. – С. 106–111 (0,4 п. л.).
10. **Евдокимов А. П.** Сельское хозяйство и крестьянство Мордовии накануне сплошной коллективизации / А. П. Евдокимов, Т. Д. Надькин // Власть и крестьянский социум в условиях советской модернизации второй половины 1920-х – 1930-е гг. : сб. науч. статей ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2013. – С. 63–72 (0,6 / 0,3 п. л.).
11. **Евдокимов А. П.** Советская власть и мусульманская умма (община) на территории Мордовии в 1920-е – 1930-е гг. / А. П. Евдокимов // Образованието и науката на ХХІ век – 2013 : материалы за 9-я международна научна практична конференция. – Т. 6. История. Философия. Политика. – София : «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2013. – С. 29–33 (0,3 п. л.).
12. **Евдокимов А. П.** Отношение населения Мордовии к антирелигиозной политике советской власти в конце 1920-х – 1930-х гг. / А. П. Евдокимов // Naukowa przestrzen Europy – 2014 : materialy X Międz. naukov-prakt. konf. – Vol. 14. Historia. Politologija. – Przemiśl : Nauka i studia, 2014. С. 7–10 (0,3 п. л.).
13. **Евдокимов А. П.** Отношение населения к антиконфессиональной политике советского государства в 20-е – 30-е гг. XX в. (по материалам Мордовии) / А. П. Евдокимов // Этноконфессиональные процессы в регионах постсоветской России: общее и особенное : сб. науч. статей. – Саранск, 2014. – С. 135–138 (0,3 п. л.).
14. **Евдокимов А. П.** Трансформация социального поведения крестьянства мордовского края в период новой экономической политики / А. П. Евдокимов, Т. Д. Надькин // Российская деревня: социально-экономическая история и современность : VI Всерос. (XIV межрегион.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Ульяновск, 2016. – С. 289–293 (0,4 / 0,2 п. л.).

*Всего по теме диссертации опубликованы 14 статей
общим объемом 5,2 п. л.*